P 56/313

P 56
313

НЕ КОПИРОВАТЬ

стр. все 8/12-87.
— " — 30/12-87.
— " — 22.1.88.

Р56.
313.

НЕ КОПИРОВАТЬ

Ф 1-67
3029

РУССКАЯ МАСЛЯНИЦА

и

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКІЙ КАРНАВАЛЪ.

Вс. Миллера.

МОСКВА.

1884.

35

РУССКАЯ МАСЛЯНИЦА И ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ КАРНАВАЛЪ.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

МОСКОВСКОЙ ЧАСТНОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ,

учрежденной З. Д. Перепелкиной,

ПРЕПОДАВАТЕЛЕМЪ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Всеволодомъ Миллеромъ

15 февраля 1884 года.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ,)
на Страстномъ бульварѣ.
1884.

Государственная
дека Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

Дозволено цензурою. Москва, 4 февраля 1884 года.

24592-0
2011110097

Русская масляница и западно-европейскій карнавалъ.

Въ одномъ старинномъ народномъ сказаніи на лубочныхъ картинахъ *о честномъ семикѣ и честной масляницѣ* первый описываетъ послѣднюю слѣдующими словами: «Душа моя масляница, перепелиныя косточки, бумажное твое тѣло, сахарныя твои уста, сладкая твоя рѣчь, красная краса, русая коса, тридцати братовъ сестрица, сорока бабушекъ внучка, трехматерина дочка.... Пріѣзжай ко мнѣ въ гости на широкъ дворъ на горахъ покататься, въ блинахъ повалятьсяся, сердцемъ потѣшаться... Выѣзжала честная масляница, широкая боярыня на семидесяти семи саняхъ козырныхъ, во широкой лодочкѣ во великъ городъ пировать, душей потѣшиться, умомъ повеселиться, рѣчью насладиться» и т. д. [1]). Въ словахъ семика звучитъ та радость, съ которою нашъ народъ встрѣчаетъ широкую, честную гостью, вносящую своимъ приходомъ необыкновенное оживленіе въ его монотонную жизнь. На перекоръ стихіямъ,—нерѣдко лютому морозу—все село на улицѣ; всюду шумъ, гамъ, лихія пѣсни. Родные ходятъ по роднымъ, поздравляя съ веселымъ праздникомъ; нескончаемой вереницей поглощаются блины, оладьи, пряженцы, запиваемые въ изобиліи зеленымъ виномъ. Раньше другихъ дѣти начинаютъ кататься съ горъ, неугомонно выкрикивая: масляница пришла! масляница пришла! — За-

[1]) *Сахаровъ*, Сказанія русскаго народа, II, книга VII, стр. 71 и слѣд.

тѣмъ начинаютъ кататься парни и дѣвушки. Кое-гдѣ виднѣются качели, окруженныя веселой толпой. По улицамъ и деревенской околицѣ мчатся сани, наполненныя подкутившими ряжеными. Кое-гдѣ мальчики толпятся около снѣжнаго городка, сооруженнаго ими на пруду или рѣкѣ: одни стараются ворваться въ него, — другіе, не щадя боковъ, защищаютъ его до послѣдней возможности. Но вотъ незамѣтно веселая недѣля подходитъ къ концу: пора проводить честну́ю гостью, отрезвиться отъ недѣльнаго хмеля, выполоскать *скоро́мъ* и просить прощенія у честныхъ людей передъ наступающимъ понедѣльникомъ Великаго поста: кое-гдѣ проводы совершаются съ цѣлымъ церемоніаломъ, кое-гдѣ просто сожигаютъ за околицей соломеннаго мужика. Но всюду разгулъ, достигшій апогея въ послѣдній день, какъ бы внезапно прекращается; лица становятся серьезнѣе, рѣчи степеннѣе. Залихватская пѣсня не окончившихъ праздникъ гулякъ уже звучитъ диссонансомъ среди наступающей тишины воскреснаго вечера и вызываетъ уже суровое замѣчаніе благочестивыхъ стариковъ. По избамъ слышатся тихія слова о прощеніи и праздникъ завершается поцѣлуями и земными поклонами.....

Наблюдая типическія черты нашей масляницы и читая описанія западнаго карнавала, главнымъ образомъ римскаго, невольно спрашиваешь себя, чѣмъ вызвано это необычайное оживленіе, эта манія тѣшиться и безумствовать, овладѣвающія европейскими народами ежегодно въ извѣстный періодъ времени? Чѣмъ объясняются эти постоянно повторяющіеся аттрибуты празднества у разныхъ народовъ— русскіе блины, катанье съ горъ и въ саняхъ, снѣжные городки, сожженіе куклы, итальянскія маски, мокколи, обливанія водою, осыпаніе мукой, французскія процессіи въ boeuf gras и масса другихъ подробностей празднества? Очевидно карнавалъ не праздникъ, установленный церковью: напротивъ, она всегда указывала на его излишества, старалась его ограничить, нападала на народное безуміе. Очевидно, что празднество предшествовало христіанству и только от-

части подвергнулось его вліянію; очевидно, что основы его слѣдуетъ искать въ сѣдой старинѣ, въ періодѣ язычества. Въ эту область языческихъ вѣрованій мы и рѣшились заглянуть, отыскивая предковъ масляницы и карнавала, и съ результатомъ нашихъ поисковъ постараемся познакомить читателей.

Прежде всего слѣдуетъ установить главную точку отправленія при объясненіи старинныхъ, народныхъ *великихъ* праздниковъ, къ которымъ несомнѣнно относится и карнавалъ. Великіе праздники сопровождали во времена язычества у всѣхъ европейскихъ и азіатскихъ народовъ наступленіе новыхъ періодовъ въ теченіи года. Такими крупными, астрономическими отдѣлами являются оба равноденствія и оба солнцестоянія, съ которыхъ велось дѣленіе года по его естественнымъ частямъ. Годичное движеніе солнца—самый могущественный факторъ въ жизни человѣка: оно опредѣляетъ весь кругъ его занятій, циклъ работъ, служащихъ ему для пропитанія. Поэтому годичная *исторія* солнца всегда живо интересовала воображеніе человѣка: она послужила неизсякаемымъ источникомъ для миѳовъ, облекавшихъ эту исторію въ человѣческія черты, для религіозныхъ обрядовъ, изображавшихъ ее въ символахъ, для распредѣленія домашнихъ и полевыхъ работъ. Человѣкъ приводилъ свою жизнь въ тѣсную связь съ годичной жизнью этого благодѣтельнѣйшаго, популярнѣйшаго божества, этого лучезарнаго богатыря: онъ скорбѣлъ за него, когда солнечный богъ исчезалъ во мракѣ и туманахъ, когда онъ терпѣлъ отъ демоновъ тучъ и тьмы; онъ радовался его побѣдѣ надъ врагами, когда онъ побѣдоносно выплывалъ поутру на горизонтѣ или, въ годичномъ циклѣ, весною снималъ съ земли ледяныя оковы и всюду порождалъ новую растительность. Четыре времени года были четырьмя періодами его годичной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ жизни человѣка. Поэтому уже рано начались наблюденія для болѣе точнаго опредѣленія дней, въ которые божество вступало въ новый періодъ. Это повело къ установленію *солнечнаго* года, который у большинства народовъ

смѣнилъ собою болѣе ранній *лунный*, такъ какъ фазы луны поддавались легче исчисленію. Но нужно было установить начало въ этомъ годичномъ циклѣ: отъ какого періода слѣдовало вести начало новаго года? Въ астрономическомъ отношеніи начальными пунктами могли съ равнымъ удобствомъ служить и равноденствія и солнцестоянія. Можно было начинать годъ и съ января, и съ марта, и съ іюля, и съ сентября. Дѣйствительно у разныхъ народовъ годъ начинался съ разныхъ мѣсяцевъ; но все же преобладающимъ началомъ является то, которое наиболѣе связано съ антропоморфическими представленіями о судьбѣ солнца. Если солнце представлялось человѣкообразнымъ существомъ, то въ его годичномъ ходѣ человѣкъ усматривалъ періоды своей жизни. Солнечный богъ рождался, испытывалъ періодъ любви, боролся, погибалъ въ борьбѣ, умиралъ и снова воскресалъ. Это рожденіе и смерть могли приходиться въ разные періоды въ разныхъ климатахъ то раньше, то позднѣе, смотря по временамъ года; но всюду однако находимъ ту мысль, что рожденіе солнца совпадаетъ либо съ астрономическимъ періодомъ зимняго солнцестоянія, когда день начинаетъ прибывать, либо съ періодомъ весенняго равноденствія, когда вся природа выказываетъ яркіе признаки обновленія, когда всюду появляется новая жизнь. Первому соотвѣтствуетъ, напримѣръ, январскій годъ Римлянъ, водворившійся во всей Европѣ, второму болѣе древній—мартовскій годъ, который мы находимъ у большинства народовъ, въ томъ числѣ и у Римлянъ, раньше январскаго.

Нерѣдко у одного и того же народа находимъ даже двойной счетъ начала года: годъ гражданскій, обыкновенно осенній, и годъ религіозный—зимній или весенній. Такъ въ произведеніяхъ древне-индійской литературы мы находимъ указанія на то, что въ самомъ раннемъ періодѣ началомъ года было появленіе извѣстныхъ весеннихъ созвѣздій и что весна считалась первымъ временемъ года; но у Индійцевъ существовалъ и годъ, начинавшійся съ извѣстнаго зимняго

мѣсяца, и это начало года справляется доселѣ въ современной Индіи [1]).

Древнѣйшее, весеннее начало года считалось у Индійцевъ, какъ и у другихъ народовъ, самымъ благопріятнымъ временемъ для свадебъ; эта черта пригодится намъ впослѣдствіи.

Двойное начало года существовало и у древнихъ Иранцевъ. Болѣе древнее пріурочивалось къ веснѣ, къ началу марта, и открывалось оплакиваніемъ мертвыхъ предковъ. Существовало убѣжденіе, что въ этотъ періодъ года духи умершихъ въ теченіе 10 дней бродятъ толпами среди людей [2]). Празднество новаго года (Nevrûz) было, по иранскимъ преданіямъ, установлено миѳическимъ царемъ Джемшидомъ, который въ Авестѣ носитъ яркія черты древняго божества [3]). По свидѣтельству древнихъ, Согдіанцы, одинъ изъ иранскихъ народовъ, въ послѣдній день стараго года оплакивали мертвыхъ [4]). Но у Иранцевъ же существовалъ счетъ годовъ съ мѣсяца Ferwerdîn'a, съ начала лѣтняго солнцестоянія. У Семитскихъ народовъ также находимъ указанія на двойное начало года: такъ Израильтяне начинали церковный годъ, по которому распредѣлялись празднества, съ весенняго мѣсяца (Нисана), а годъ гражданскій, которымъ помѣчались письменные памятники, съ осенняго рав-

---

[1]) A. Weber—Die Vedischen Nachrichten von den Naxatra (Mondstationen), II, pp. 329, 332, 352, 366.

Поталь — такъ называется въ настоящее время празднованіе новаго года—совершается при вступленіи солнца въ знакъ Козерога около 11-го января и справляется въ теченіе трехъ дней. Это самый веселый праздникъ года; онъ свидѣтельствуетъ объ исходѣ мѣсяца декабря (Magha), каждый день котораго несчастливъ, по опредѣленію индійскихъ астрологовъ, и о началѣ самаго счастливаго мѣсяца въ цѣломъ году. См. Garret—Classical Dictionary of India, p. 457.

[2]) Roth—Avesta-calender, въ Zeit. d. Deutsch. Morgenländ. Gesellchaft, XXXIV, p. 712.

[3]) Herbelot—Bibliothèque orientale, article Neuruz.

[4]) Zeit. d. D. Morg. Ges., l. c. p. 712.

ноденствія (съ мѣсяца Tischri, октябрь). То же счисленіе было въ Сиріи [1]).

У древнихъ европейскихъ народовъ также распространено было весеннее начало года. Въ виду того, что и западно-европейскій карнавалъ и наша масляница получаютъ объясненіе, какъ праздники, знаменующіе переходъ отъ стараго года къ новому, отъ зимы къ веснѣ, мы считаемъ необходимымъ остановиться подробнѣе на римскихъ празднествахъ, пріуроченныхъ къ началу года. Затѣмъ мы разсмотримъ отголоски классическихъ празднествъ въ римскомъ карнавалѣ и, показавъ ихъ взаимную связь, перейдемъ къ объясненію типическихъ деталей русской масляницы, которыя безъ этого введенія остались бы загадочными.

Въ самой глубокой древности въ Италіи начало года справлялось въ новолуніе весенняго равноденствія празднествомъ, посвященнымъ рожденію древняго солнечнаго бога Марса. Первый мѣсяцъ года поэтому и получилъ свое названіе (Martius, мартъ). Въ послѣдствіи, когда мартовскій годъ смѣнился январскимъ, нѣкоторыя празднества древняго начала года старались перенести на новое, но все же, просматривая старый римскій календарь, мы видимъ, что главныя празднества сосредоточиваются во второй половинѣ февраля и въ началѣ марта. Основная идея такихъ празднествъ—проводы стараго года и встрѣча новаго. Солнечный богъ представляется родящимся весною въ тотъ періодъ, когда послѣ равноденствія день начинаетъ перерастать ночь. Вмѣстѣ съ рожденіемъ солнца чествовалась древняя лунная богиня Juno Lucina, покровительница матронъ и браковъ. Приготовленія къ началу года начинались въ февралѣ цѣлымъ рядомъ праздниковъ: 15-го февраля справлялись такъ называемыя Lupercalia, старинный обрядъ, имѣвшій цѣлью духовное очищеніе города и испрошеніе плодородія въ на-

---

[1]) Chwolsohn—die Ssabier und der Ssabismus, Band II, p. 178 и слѣд. Bunsen—Die Plejaden und der Thierkreis, p. 270.

ступающемъ году [1]). Коллегіи Луперковъ, состоявшія большею частью изъ молодыхъ людей, приносили въ жертву козловъ, опоясывались шкурами этихъ животныхъ и, вооружившись вырѣзанными изъ шкуръ ремнями, въ теченіе дня бѣгали по городу. Женщины, встрѣчавшіяся имъ, подставляли имъ ладони для ударовъ и это считалось хорошимъ предзнаменованіемъ для счастливаго брака. Вся недѣля, предшествовавшая 21-му февраля, была посвящена памяти умершихъ и носила названіе *дней родительскихъ* (dies parentales). При культѣ предковъ, тѣсно связывающемъ живыхъ съ умершими, потомки передъ началомъ великихъ празднествъ естественно обращались душею къ покойникамъ. Особенно задушевно было это обращеніе передъ началомъ новаго года, при обновленіи природы весною. Римскія семьи посѣщали въ эти дни могилы родныхъ, приносили туда разныя кушанья и совершали тамъ жертвы. 21-е февраля (feralia) былъ спеціальный день для общественныхъ поминокъ на кладбищахъ, а слѣдующій день (Caristia) для семейныхъ трапезъ въ память усопшихъ [2]). Проводивъ старый годъ, отходящій въ вѣчность, культомъ мертвыхъ, Римляне приготовлялись ко встрѣчѣ рожденія Марса. Первымъ актомъ празднества были скачки (equiria) на Марсовомъ полѣ 27-го февраля въ честь рождающагося бога. Отраженіе этихъ скачекъ, повторявшихся затѣмъ 14-го марта, сохранилось въ конскомъ бѣгу на Корсо, составляющемъ до сихъ поръ одинъ изъ актовъ Римскаго карнавала [3]). Наконецъ наступали празднества мартовскихъ календъ: рожденіе новаго солнца знаменовалось возженіемъ новаго огня на алтарѣ храма Весты, который украшался лаврами. Коллегіи Саліевъ начинали торжественныя процессіи по улицамъ города

---

[1]) 15 день февраля назывался поэтому dies februatus — день очищенія отъ februare. Это названіе перешло и къ цѣлому мѣсяцу februarius.

[2]) Preller—Römische Mythologie, p. 483.

[3]) Pauli — Real-Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft, III, p. 209. Preller, o. c., p. 318.

со священными анциліями [1]) въ честь бога Марса. Въ честь же покровительницы браковъ и семьи Юноны совершался по домамъ въ кругу семей праздникъ *матерей* (Matronalia). При этомъ мужья одаривали женъ, а хозяйки прислуживали въ этотъ день своей женской прислугѣ, какъ мужчины во время декабрскихъ сатурналій служили своимъ рабамъ. Римское преданіе видѣло въ матроналіяхъ праздникъ, посвященный будто бы воспоминанію учрежденія брака Ромуломъ и вѣрности похищенныхъ Сабинянокъ [2]). Такъ какъ праздникъ былъ какъ бы прославленіемъ брака, то холостые люди и дѣвушки подвергались при этомъ разнымъ шуткамъ, отраженіе которыхъ мы также найдемъ въ масляничныхъ обрядахъ европейскихъ народовъ. Наканунѣ перваго весенняго полнолунья (мартовскихъ идъ) справлялось символическое изгнаніе стараго года или зимы. По городу водили человѣка одѣтаго въ шкуры [3]), били бѣлыми палками и затѣмъ выгоняли за городъ [4]). Это напоминаетъ обрядъ изгнанія зимы, справляемый доселѣ у нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ. 5-е марта помѣчается въ римскомъ календарѣ празднованіемъ корабля Изиды (Isidis Navigium). Культъ этой египетской лунной богини, сестры и жены Озириса и матери юнаго солнца Гарпократа, началъ проникать въ Ита-

---

[1]) Ancilia—священные щиты, носимые въ религіозной процессіи Салієвъ. По преданію, одинъ щитъ упалъ съ неба въ царствованіе Нумы. По внушенію нимфы Эгеріи, Нума, въ убѣжденіи, что благо города связано съ сохраненіемъ этого щита, заказалъ кузнецу Мамурію Ветурію сковать 11 совершенно такого же вида, такъ чтобъ нельзя было узнать настоящій и похитить его. Щитъ объясняется, какъ символъ солнца.

[2]) Pauli—o. c. IV, p. 576. Preller—o. c., p. 244.

[3]) Человѣка называли Mamurius Veturius. Mamurius прилагательное отъ Mamor древняго имени Марса, а Veturius въ связи съ Vetus—старый и съ греч. ἔτος—годъ, такъ что имя, повидимому, указываетъ на старый годъ, *стараго* Марса.

[4]) Roscher—Studien zur vergleichenden Mythologie der Griechen und Römer, I, p. 27.

лію изъ Египта въ послѣднія десятилѣтія республики. Какъ богиня мореплаванія, Изида чествовалась въ разныхъ гаваняхъ Средиземнаго моря и впослѣдствіи особенно въ южной Италіи. Римское правительство долго преслѣдовало этотъ иноземный культъ, разрушало храмы Изиды, бросало ея статуи въ Тибръ. Но Изида пришлась сильно по сердцу римскому простонародью, особенно женщинамъ, и мало-помалу ея культъ вошелъ въ моду и въ высшихъ классахъ при Флавіяхъ и Антонинахъ. Весною, при открытіи навигаціи, съ необыкновенной пышностью отправлялся въ море корабль, построенный въ египетскомъ стилѣ и наполненный разнообразными приношеніями многочисленныхъ чтителей этой богини.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ главные акты, сопровождавшіе у древнихъ Римлянъ празднованіе новаго года, мы видимъ, что часть ихъ была посвящена культу покойниковъ, часть—привѣтствію рожденія солнечнаго бога. Когда новый годъ былъ перенесенъ на январь, когда 25-е декабря стало называться *днемъ рожденія непобѣдимаго солнца* (dies natalis solis invicti), то старыя празднества не были уничтожены и стали какъ бы продолженіемъ зимнихъ, сопровождавшихъ періодъ зимняго солнцестоянія. Такимъ образомъ въ римскомъ году оказался длинный рядъ празднествъ, начиная отъ сатурналій (17—21 декабря) и кончая празднествами начала марта. Римскія пышныя празднества оказали сильное вліяніе и среди народовъ, подчинившихся римской культурѣ, особенно во Франціи и Испаніи, а римскій календарь, реформированный Юліемъ Цезаремъ [1]) (Юліанскій) легъ въ основу европейскихъ календарей, конечно подвергнутый переработкѣ въ христіанскую эпоху. Немудрено поэтому, что нѣкоторыя италійскія празднества, укоренившіяся въ народѣ, несмотря на старанья церкви, продолжали справляться и по распространеніи христіанства и только поверхностнымъ

---

[1]) Въ 45 г. до Р. Х.

образомъ окрашивались его вліяніемъ. Дѣйствительно, разсматривая нѣкоторыя черты западно-европейскаго карнавала, мы легко найдемъ уже знакомыя черты римскихъ празднествъ, сопровождавшихъ конецъ стараго и начало новаго года.

Прежде всего время празднованія. Во Франціи въ старину періодъ ношенія масокъ начинался еще зимою съ канунa дня св. Мартина и продолжался съ перерывами до святой недѣли. Въ теченіе этого времени (въ XVI в.) считалось дозволеннымъ ходить по улицамъ въ маскахъ по вечерамъ и ночью. Днемъ же можно было появляться замаскированнымъ только наканунѣ дня Волхвовъ (6-го янв.), въ скоромные дни (jours gras), въ недѣлю мясопуста и въ преполовеніе поста. Въ эти дозволенные дни улицы Парижа наполнялись замаскированными, которые бродили толпами съ факелами и палками въ рукахъ [1]). Маски вторгались въ совершенно незнакомые имъ дома и танцовали въ нихъ безъ всякаго приглашенія. Еще въ 1737 году было издано постановленіе противъ такихъ вторженій, нерѣдко оканчивавшихся ссорами [2]).

Только къ концу 18-го столѣтія разрѣшеніе публичнаго ношенія масокъ было ограничено днями карнавала въ тѣсномъ смыслѣ [3]).

Въ Римѣ, по извѣстному описанію Гёте, уже съ самаго новаго года открываются театры—и карнавалъ начинается. Тамъ и сямъ появляется въ ложѣ красавица, самодовольно показывающая, въ костюмѣ офицера, свои эполеты публикѣ. Катанье на Корсо становится многолюднѣе; но общее ожиданіе направлено, конечно, на послѣдніе 8 дней [4]).

---

[1]) Victor Fournel—Les rues du vieux Paris, p. 224.

[2]) Ibid. p. 226.

[3]) Ibid. p. 234.

[4]) Путешествіе въ Италію—Собраніе сочиненій Гёте (изд. Гербеля). Т. VIII, стр. 467.

Въ Германіи періодъ карнавала въ обширномъ смыслѣ начинается 6-го января и продолжается до дня Aschermittwoch (Dies pulveris), т.-е. чистой середы (1-ой недѣли поста), который, какъ извѣстно, былъ установленъ, какъ начало поста, папой Григоріемъ въ 600 году.

Такимъ образомъ и въ западной, католической Европѣ періодъ карнавала въ обширномъ смыслѣ въ старину соотвѣтствовалъ разсмотрѣнному выше періоду римскаго календаря. Только продолжительнымъ усиліямъ церкви, возмущавшейся остатками языческихъ вакханалій или сатурналій, какъ называли духовные писатели эти необузданныя празднества, удалось впослѣдствіи ограничить народный разгулъ нѣсколькими днями, предшествующими великому посту. Но за то именно на этихъ дняхъ, въ виду наступающаго длиннаго періода воздержанія, сосредоточился, такъ сказать, весь запасъ веселья, разсѣянный прежде въ болѣе продолжительномъ періодѣ времени, и разнузданность доходила до крайнихъ предѣловъ. Притомъ народный разгулъ въ теченіе этихъ дней объясняется еще болѣе тѣмъ, что они приблизительно совпадали съ тѣмъ періодомъ, въ который въ языческое время справлялся переходъ отъ зимы къ веснѣ. Изъ многихъ доказательствъ послѣднему положенію отмѣтимъ, напримѣръ, что въ англійскомъ языкѣ названіе великаго поста Lent, соотвѣтствующее этимологически нѣмецкому Lenz—*весна* и нашему *лѣто*, прямо указываетъ, что время карнавала было окончаніемъ, смертью зимы [1]), и что на то же указываетъ народный обрядъ похоронъ или изгнанія зимы, совершаемый доселѣ по мѣстамъ европейскимъ простонародіемъ.

Церковные писатели особенно отмѣчали языческія черты въ карнавальномъ обычаѣ рядиться пугалищами, носить маски, бродить съ факелами, обливать и обсыпать другъ друга и т. п. Дѣйствительно ряженіе и неистовое бѣганіе по ули-

---

[1]) Hazlitt—Popular Antiquities of Great Britain, I, p. 54.

цамъ сопровождало, какъ мы видѣли, римскія празднества, напримѣръ, февральскія Луперкаліи и конечно, какъ и нѣкоторые другіе обряды, не можетъ быть объясняемо исключительно наклонностью къ шутовству и бѣснованію, а было выраженіемъ какой-нибудь религіозной идеи. Какая же могла быть эта идея? Чѣмъ объясняется ряженіе и ношеніе масокъ? Намъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ слѣдующее объясненіе.

Нужно вспомнить, что періодъ, предшествующій Новому году, рожденію солнца, считался послѣднимъ временемъ разгула темныхъ силъ природы, демоновъ и духовъ умершихъ. Подобно тому, какъ полночь считалась временемъ броженія этихъ ночныхъ существъ—привидѣній, вѣдьмъ, колдуновъ,—такъ и полночь года, время, предшествующее годичному разсвѣту, т.-е. рожденію весенняго солнца, было царствомъ духовъ и привидѣній. Эти ночныя силы слѣдовало умилостивить жертвами, эти подземныя, наносящія смерть, существа должны были быть изгнаны изъ міра живыхъ, чтобъ они не вредили обновляющейся жизни природы. Отсюда—культъ умершихъ, предшествующій всюду встрѣчѣ Новаго года; отсюда обряды очищенія города у Римлянъ (Lupercalia); отсюда символическіе обряды оплодотворенія земли и животнаго царства. Всѣ эти процессіи людей въ звѣриномъ образѣ, эти фантомы привидѣній, эти бѣлые пульчинелли съ мертвенными лицами, эти пестрые арлекины съ черными масками—въ концѣ концевъ, послѣдніе искаженные и вывѣтрившіеся остатки языческой символики и не могли быть въ основѣ созданіями балаганнаго шутовства. Вспомнимъ, что начало трагедіи и комедіи у Грековъ восходитъ къ религіознымъ процессіямъ культа Діониса. Вспомнимъ, что, по свидѣтельству Ливія, начало сценическихъ представленій у Римлянъ было положено событіемъ, которое, повидимому, не имѣетъ ничего общаго съ театромъ. Въ 391 году (по построеніи Рима), когда постигшая городъ моровая язва не могла быть ослаблена ни человѣческими усиліями, ни божеской помощью, были *для умилостивленія боговъ* введены сце-

ническія игры (ludi scenici). Для этой цѣли были изъ Этруріи вызваны особаго рода актеры, которые не декламировали, а изображали пантомимы, сопровождая свои движенія игрою на флейтѣ. Нужно при этомъ вспомнить, что Этруски отличались особенною выработанностью культа мертвыхъ, что флейта съ ея заунывными звуками употреблялась только при погребальныхъ обрядахъ и мы поймемъ, что эти этрусскіе актеры изъяснявшіеся не словами, а пантомимами, наигрывавшіе печальныя мелодіи на флейтѣ и вызванные не для увеселенія народа, а для умилостивленія божествъ смерти, изображали сами духовъ покойниковъ. Они должны были этими представленіями изгнать бродящихъ по землѣ духовъ смерти, привидѣнія и прекратить смертность, причемъ въ этомъ дѣйствіи замѣтна та же символика, которая побуждала Римлянъ для изгнанія смерти топить въ Тибрѣ деревянныхъ истукановъ ее изображавшихъ и многіе народы сожигать чучела смерти, зимы или моровой язвы.

Такимъ образомъ и въ наидревнѣйшихъ маскахъ европейскаго карнавала можно видѣть послѣдніе слѣды обрядовъ, имѣвшихъ цѣлью умилостивленіе царства покойниковъ и привидѣній. Еще Гёте, въ числѣ другихъ характерныхъ масокъ римскаго карнавала, отмѣтилъ «бѣлыя фигуры, которыя обыкновенно становятся другимъ поперекъ дороги и прыгаютъ передъ ними, думая такимъ образомъ изобразить привидѣнія» [1]). Конечно къ древнимъ традиціоннымъ костюмамъ и маскамъ, въ родѣ сатировъ, привидѣній, горбатаго пульчинелля, бѣлаго Brighella, арлекина и т. п. присоединился впослѣдствіи рядъ другихъ, напримѣръ, болонскій докторъ правъ (не раньше 12-го вѣка), Панталонъ—богатый венеціанскій купецъ (вѣроятно въ 15-мъ вѣкѣ); но интересно при этомъ замѣтить, что именно типы, унаслѣдованные изъ старины, въ родѣ арлекина и бѣлаго Бригеллы, потомка древняго Mimus albus, носятъ черныя маски, между тѣмъ какъ

[1]) Поѣздка въ Италію, стр. 473.

новые типы, взятые изъ жизни не надѣваютъ черныхъ (загробныхъ и ночныхъ) лицъ. Вспомнимъ, что у Римлянъ мимы—отличавшіеся отъ комедіантовъ, изображавшихъ живыя лица,—вымазывали себѣ лица сажею.

Отъ масокъ перейдемъ къ другимъ чертамъ западно-европейскаго карнавала—къ *обсыпанію* и *обливанію*. Извѣстно, что одна изъ забавъ римскаго карнавала состоитъ въ ожесточенной перестрѣлкѣ такъ называемыми confetti, т.-е. гипсовыми или мѣловыми пилюлями. Всѣ маски снабжены коробочками или мѣшечками, наполненными этими метательными снарядами. По словамъ Гёте, никто не можетъ считать себя въ безопасности: каждый находится въ оборонительномъ положеніи и черезъ то, умышленно или по необходимости, возникаетъ то тамъ, то сямъ борьба, стычка или драка. Пѣшеходы и ѣдущіе въ экипажахъ, зрители изъ оконъ, съ подмостокъ или стульевъ—всѣ попеременно нападаютъ и попеременно защищаются» [1]). Въ Португаліи во время карнавала бросаютъ другъ въ друга горохомъ и бобами, осыпаютъ неосторожныхъ мукою, обливаютъ водою. Эта игра ведется на улицахъ и въ домахъ [2]). То же происходило еще недавно кое-гдѣ въ южной Германіи. Еще азартнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ грубѣе обычаи карнавала у Испанцевъ въ Лимѣ (Перу). Главное удовольствіе состоитъ въ обливаніи проходящихъ водой и притомъ не всегда чистою. Съ каждаго балкона изливаются время отъ времени водопады; на всѣхъ углахъ улицъ стоятъ въ засадѣ негры, которые бросаются на прохожихъ и окунаютъ ихъ въ лужѣ, если они не откупятся деньгами. Молодые люди толпами вторгаются въ дома знакомыхъ и отыскиваютъ спрятавшихся дамъ. Сначала ихъ поливаютъ водою съ духами, а потомъ, когда ея запасъ истощится, и простою водою изъ канавъ. Дамы, въ промокшихъ платьяхъ, подвергаются преслѣдованію изъ комнаты

---

[1]) Путешествіе въ Италію, стр. 480.

[2]) Nork—Der Festkalender, p. 811.

въ комнату, разгорячаются и нерѣдко заболѣваютъ отъ этихъ милыхъ шутокъ [1]). Въ Римѣ обливаніе составляетъ въ карнавалѣ любимую забаву мальчишекъ. Они подговариваютъ какого-нибудь простяка подъ какимъ-нибудь предлогомъ отнести къ сосѣду бумажную лѣсенку, затѣмъ кричатъ ему сзади: *горитъ, горитъ!*—и обливаютъ его водою [2]). Въ Португаліи привѣшиваются тайно къ костюму прохожихъ полоски бумаги, причемъ шутники кричатъ: «у него хвостъ»! Въ Сициліи кое-гдѣ женщинамъ прицѣпляютъ изподтишка тряпки, овечьи хвосты или что-нибудь подобное [3]). Всѣ эти и подобные обычаи напоминаютъ древніе языческіе обряды. Вспомнимъ, напримѣръ, обрядовые удары козьими ремнями, которыми осыпали женщинъ бѣснующіеся молодые Луперки въ Римѣ. Бобы имѣли особое значеніе въ культѣ мертвыхъ: Римляне изгоняли привидѣнія, бросая бобы себѣ за спину. Горохъ и бобы составляли спеціальное блюдо въ поминальныхъ трапезахъ. Жрецъ Юпитера у Римлянъ не могъ ни называть бобовъ, ни прикасаться къ нимъ рукою, именно потому что они находятся въ связи съ мертвыми и могли бы его осквернить [4]). Осыпаніе мукою находится въ связи съ извѣстнымъ жертвеннымъ обрядомъ Грековъ и Римлянъ, которые сыпали зерна цѣльныя (у Грековъ) или толченыя (у Римлянъ) между рогъ приносимаго въ жертву животнаго [5]). Обливаніе водою, какъ извѣстно изъ обрядовъ многихъ народовъ, служило символомъ очищенія [6]). Такимъ образомъ и во всѣхъ этихъ чертахъ карнавала слѣдуетъ

---

[1]) Ibid. p. 819.

[2]) Usener—Italische Mythen, Germania. XXII, p. 192.

[3]) Felix Liebrecht—Zur Volkskunde, p. 409.

[4]) Nork—O. c., p. 60.

[5]) Pauli—o. c. s. v. Mola.

[6]) Шутки съ лѣстницей или прицѣпленіе бумажныхъ лѣсенокъ напоминаетъ лѣсенки, изображаемыя на римскихъ амулетахъ, употреблявшихся для отвращенія дурнаго глаза (отъ сглаза). См. Liebrecht—o. c., p. 409.

видѣть вывѣтрившіеся и обратившіеся въ шутовство старинные языческіе обряды, имѣвшіе нѣкогда серіозный характеръ.

Переходимъ къ знаменитой скачкѣ римскаго карнавала, завершающей каждый карнавальскій день. Она производилась, по описанію Гёте, на Корсо, на протяженіи отъ Площади обелиска до Венеціанскаго дворца и начиналась только съ наступленія ночи. Лошади, заранѣе пріученныя къ скачкѣ, мчались однѣ, по данному знаку, и доставляли своимъ хозяевамъ въ видѣ приза небольшіе куски золотой или серебряной ткани съ вытканными изображеніями скачущихъ лошадей [1]). Для объясненія этого конскаго ристанія можно указать на уже упомянутые нами римскіе бѣга (equiria), справлявшіеся въ честь рожденія Марса, а также на извѣстный многимъ народамъ обычай сопровождать культъ покойниковъ конской скачкой. Этотъ обычай былъ извѣстенъ въ древней Греціи и Италіи [2]) и до сихъ поръ въ ходу на Кавказѣ, напримѣръ, у Осетинъ [3]). Вѣроятно и у Римлянъ первые бѣга (27-го февраля) имѣли такой же смыслъ, т.-е. поминальнаго обряда, а вторые (14-го марта) были въ честь родившагося новаго Марса-солнца.

Остается упомянуть еще одну принадлежность римскаго карнавала, составляющую его заключительный актъ: это такъ называемые *moccoli*. Вотъ какъ описываетъ этотъ обычай Гёте, наблюдавшій его въ 1788 году. «Едва только стемнѣетъ (въ послѣдній день карнавала) въ узкой и высокой улицѣ, какъ тамъ и сямъ появляются огни; они двигаются по окнамъ, на подмосткахъ и такъ распространяются въ непродолжительное время, что вся улица освѣщена горящими восковыми свѣчами. Балконы украшены прозрачными бумажными фонарями; каждый держитъ свою свѣчку за окномъ; всѣ подмостки освѣщены, и очень милы бываютъ

---

[1]) Гёте, стр. 468—485 и слѣд.

[2]) См. Aeneid. V, 560—603.

[3]) См. Вс. Миллера—Осетинскіе этюды, ч. II, стр. 286.

кареты, на потолкахъ которыхъ часто маленькія хрустальныя жирандоли освѣщаютъ общество, между тѣмъ какъ въ другомъ экипажѣ дамы, съ пестрыми свѣчами въ рукахъ, будто приглашаютъ любоваться на свою красоту. Слуги облѣпляютъ свѣчами края каретнаго верха; въ открытыхъ экипажахъ показываются пестрые бумажные фонари; между пѣшеходами одни появляются съ высокими пирамидами свѣчей на головѣ, другіе втыкаютъ свои свѣчи въ связанныя трубки и достигаютъ такими шестами вышины двухъ, трехъ этажей. Для каждаго становится обязательнымъ имѣть въ рукѣ зажженную свѣчку, и любимый побранокъ Римлянина «sia amazzato» слышится со всѣхъ угловъ и концовъ. «Sia amazzato chi non porta moccolo!»—«будь убитъ, кто не несетъ огарка!»—кричитъ одинъ другому, стараясь затушить его свѣчу. Зажиганье и задуванье и неукротимый крикъ «sia amazzato» вносятъ вскорѣ оживленіе, движеніе и общій интересъ въ эту огромную толпу... Всѣ сословія и возрасты свирѣпствуютъ другъ противъ друга, взбираются на подножки каретъ—и ни одинъ висячій подсвѣчникъ, кромѣ развѣ фонарей, не въ безопасности; мальчикъ тушитъ свѣчу у отца и не перестаетъ кричать: «sia amazzato il signore padre! Напрасно старикъ журитъ его за неприличіе: мальчикъ ссылается на свободу этого вечера и еще пуще клянетъ своего отца. Такъ какъ на обоихъ концахъ Корсо шумъ вскорѣ теряется, то всѣ тѣмъ неудержимѣе скучиваются въ серединѣ, — и тамъ дѣлается тѣснота, превосходящая всякое описаніе, такъ что самое пылкое воображеніе не можетъ себѣ ее представить»...

Конечно и въ этомъ праздникѣ огней скрывается языческій обрядъ. Вспомнимъ римскій обрядъ зажженія новаго огня въ храмѣ Весты въ день новаго года, какъ символъ новаго, родившагося солнечнаго бога; вспомнимъ употребленіе факеловъ въ культѣ Цереры въ память возвращенія ея дочери Прозерпины изъ царства тѣней на землю, т.-е. миѳическое представленіе возвращенія растительности весною, обновленія всей природы; вспомнимъ, что зажженіе костровъ

у большинства древнихъ народовъ сопровождало празднества солнца, такъ какъ огонь земной былъ естественнымъ символомъ небеснаго огня—солнца; вспомнимъ сожженіе на кострѣ изображенія зимы, какъ завершеніе стараго года...

Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить, что появленіе масокъ является сигналомъ полной свободы въ римскомъ и иныхъ карнавалахъ. Общественныя, сословныя отличія какъ бы на время отмѣняются; слуги ведутъ себя въ маскахъ такъ же непринужденно, какъ и господа. «Все дозволено, все сходитъ съ рукъ, пишетъ Гёте; даже и серіозныя особы, сидящія незамаскированными въ каретахъ, позволяютъ кучерамъ и слугамъ замаскироваться. Кучера выбираютъ большею частію женскую одежду и позволяютъ взбираться на козлы всѣмъ своимъ знакомымъ: повидимому и сами господа съ удовольствіемъ смотрятъ на то, когда экипажъ ихъ хорошенько нагруженъ»... Эта свобода карнавальскихъ нравовъ есть безъ сомнѣнія отголосокъ свободы, которой пользовалась прислуга въ римскія сатурналіи и матроналіи. Карнавалъ — праздникъ главнымъ образомъ для слугъ: еще до сихъ поръ кое-гдѣ въ Германіи и Россіи въ это время толпы работниковъ обходятъ съ музыкой дома хозяевъ и получаютъ подачки [1]); а въ Грузіи въ прощальный вечеръ на масляницѣ въ прежнее время господа обязывались полнымъ повиновеніемъ своимъ слугамъ, какъ и въ Римѣ, и чтобъ отдѣлаться отъ наказанія особымъ орудіемъ—*палахою,* должны были щедро отдариваться [2]).

Кажется, вышеприведенныя соображенія достаточно уясняютъ отношенія карнавала къ празднествамъ языческаго періода и намъ остается перейти ко второй части нашей задачи, къ объясненію обрядовъ русской масляницы, въ связи съ соотвѣтствующими обрядами другихъ европейскихъ народовъ.

---

[1]) Nork—o. c., p. 813.

[2]) Дубровинъ—Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ, кн. II, стр. 152.

Есть полное основаніе думать, что у насъ, какъ и у другихъ народовъ, въ періодѣ язычества новый годъ справлялся около весенняго равноденствія и что введенный христіанствомъ мартовскій годъ приблизительно совпадалъ съ языческимъ; гражданскій же годъ начинался съ сентября. Изъ лѣтописей видно, что Несторъ и продолжатели его начинали годъ со дня Пасхи. Вслѣдствіе споровъ о началѣ года, на соборѣ въ Москвѣ, при Симеонѣ Гордомъ и митрополитѣ Ѳеогностѣ, опредѣлено (въ 1348 г.), чтобы церковный и гражданскій годъ считать съ сентября. Наконецъ Петръ I, желая согласить съ прочими европейскими народами начало года, постановилъ (указами 1699 г. декабря 15-го и 19 го) вести годъ съ 1-го января.

Празднуя тотъ періодъ года, когда въ природѣ появлялись первые признаки побѣды весны надъ зимою, когда солнце становилось привѣтливѣе, когда кое-гдѣ снѣгъ начиналъ таять, Славяне выражали эти благопріятныя примѣты обновленія природы тѣми же символами, тѣми же обрядами, какъ и другіе индо-европейскіе народы: зажигались костры, какъ символы возрождающагося небеснаго огня, приносились жертвы съ цѣлью испрошенія плодородія въ наступающемъ періодѣ полевыхъ работъ, совершались похороны зимы, поминки по почившимъ родичамъ и т. п. Многія черты этихъ празднествъ еще доселѣ живутъ въ масляничныхъ обрядахъ какъ у Русскихъ, такъ и у другихъ славянскихъ народовъ.

При этомъ однако нельзя не замѣтить, что первыя весенніе празднества у Славянъ, какъ и у Римлянъ, были какъ бы продолженіемъ январскихъ, какъ бы заключительнымъ актомъ зимней *коляды*. Связь между масляницей и колядою замѣчается и въ обрядахъ и въ пѣсняхъ. Еще до недавняго времени масляничныя пѣсни кое-гдѣ на Руси звались *колядою*. Такъ въ Ярославской губерніи съ четверга сырной недѣли толпы мастеровыхъ ходятъ по домамъ съ погремушками, бубнами, рожками, балалайками, поздравляютъ хозяина съ праздникомъ и говорятъ: «прикажи, сударь-хозяинъ *коледу* пропѣть». По окончаніи пѣсни, которая имѣетъ колядскій при-

пѣвъ: виноградъ, красно-зеленая моя!—хозяинъ одариваетъ колядовщиковъ [1]). Этотъ завершительный праздникъ цѣлаго періода пріобрѣлъ у насъ, какъ и на западѣ, особенно шумный, разгульный характеръ, такъ какъ смѣняется строгими днями поста, приготовляющаго христіанъ къ великому христіанскому празднеству.

Мы разсмотримъ главные обряды масляницы, сопровождая ихъ объясненіями, но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о современныхъ ея народныхъ названіяхъ, такъ какъ названіе *мясопустъ* представляетъ переводъ греческаго календарнаго Ἀπόκρεως (латинск. Carniprivium). Болѣе распространенныя славянскія названія этой недѣли указываютъ на особенности пищи. Такъ нашей *Сырной* недѣлѣ соотвѣтствуетъ у Болгаръ Сирница, сирна-та недѣля [2]). У Сербовъ эта недѣля носитъ названіе *бѣлой* (бијела). Отмѣтимъ, что то же названіе мы находимъ на Кавказѣ у Осетинъ, которые называютъ недѣлю, предшествующую великому посту, недѣлей бѣлаго (ӯрсѵ кӯрӣ), объясняя это тѣмъ, что въ теченіе ея не ѣдятъ мяса, а только бѣлую пищу: молоко, сыръ, яйца, хлѣбъ [3]). Можетъ-быть, это простое объясненіе прилагается и къ сербскому названію. Происхожденіе нашего народнаго названія *масляницы* также вполнѣ ясно.

Подобно тому, какъ у древнихъ Римлянъ, какъ мы выше видѣли, встрѣчѣ мартовскихъ календъ предшествовали *родительскіе дни* (dies parentales), дни поминанія усопшихъ, такъ и у насъ суббота передъ масляницей, такъ называемая четвертая родительская, отдана поминанію покойниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи въ воскресенье сырной недѣли ходятъ на кладбище прощаться съ покойниками (напр., въ Зарайскѣ, въ Нерехтѣ) [4]). Спеціальное кушанье масляницы

---

[1]) Терещенко—о. с., стр. 328. Сахаровъ—о. с., стр. 73. Снегиревъ—о. с., стр. 133.

[2]) Каравеловъ—Памятники народнаго быта Болгаръ, стр. 187.

[3]) Осетинскіе этюды, II, стр. 273.

[4]) Снегиревъ—о. с., стр. 131—135.

блины, какъ извѣстно, одинъ изъ спеціальныхъ аттрибутовъ поминокъ. Въ старину было на Руси обыкновеніе отдавать первый масляничный блинъ нищей братіи на поминъ усопшимъ. Еще доселѣ въ нѣкоторыхъ степныхъ селеніяхъ существуетъ обычай класть первый блинъ на слуховое окошко для душъ родительскихъ, причемъ старухи, совершающія этотъ стародавній обрядъ, приговариваютъ: «честные наши родители! Вотъ для вашей душки блинокъ»! [1]) Вообще, уничтожая съ необыкновеннымъ усердіемъ блины въ теченіе масляницы, мы теперь и не подозрѣваемъ, какую роль играло это кушанье въ древней символикѣ, мы не подозрѣваемъ, что совершаемъ поминальную трапезу. А между тѣмъ это значеніе блиновъ еще проглядываетъ кое-гдѣ въ процессѣ изготовленія опары и въ примѣтахъ и таинственныхъ обрядахъ, которыми сопровождается это дѣйствіе. Нѣкоторыя стряпухи готовятъ опару изъ снѣга, на дворѣ, когда взойдетъ мѣсяцъ. Здѣсь онѣ причитываютъ: «мѣсяцъ, мѣсяцъ! золотые твои рожки! Выглянь въ окошко, подуй на опару!» Другія выходятъ вечеромъ готовить опару на рѣчки, колодези и озера, когда появятся звѣзды. Приготовленіе первой опары содержится въ величайшей тайнѣ отъ всѣхъ домашнихъ и постороннихъ. Малѣйшая неосторожность стряпухи наводитъ тоску на хозяйку въ продолженіе всей недѣли [2]). Читая о подобныхъ обрядахъ, мы какъ будто присутствуемъ на языческомъ священнодѣйствіи, при изготовленіи жертвы усопшимъ: дѣйствіе совершается ночью, когда наступаетъ царство покойниковъ, когда они въ видѣ звѣздъ, по народнымъ представленіямъ, смотрятъ съ неба; извѣстно, что у многихъ народовъ, въ томъ числѣ у Славянъ, существовало убѣжденіе, что звѣзды—души умершихъ. Даже кое-гдѣ въ западной Европѣ, гдѣ народные обычаи изгладились раньше, чѣмъ у насъ, нѣкоторые, въ настоящее время уже

---

[1]) Сахаровъ- о. с., стр. 72.

[2]) Сахаровъ—стр. 72.

шутовскіе, обряды сопровождаютъ, или прежде сопровождали, печеніе масляничныхъ блиновъ или оладій и указываютъ на его древнюю символику. Такъ въ Англіи, въ кентскомъ графствѣ, хозяйки начинали печь блины во вторникъ (Shrove Tuesday), по знаку, данному съ городской колокольни, причемъ въ колоколъ звонили ученики и подмастерья, платя за это право звонарю [1]). По одному свидѣтельству изъ XVII в., этотъ звонъ носилъ даже спеціальное названіе «блиннаго колокола» (Pancake-Bell) [2]). Въ латинскомъ статутѣ Итонской школы (status scholae Etonensis) упоминается обрядъ, совершаемый поваромъ во вторникъ, именно привязываніе блина передъ дверьми школы, къ *воронѣ* [3]). Этотъ курьезный обычай находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что ворона, какъ преимущественно зимняя птица, является символомъ зимы, а также смерти. Еще доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи въ началѣ весны ходятъ по домамъ съ мертвою вороною. Отношеніе во́рона къ смерти видно также изъ многочисленныхъ народныхъ сказокъ, въ которыхъ воронъ является хранителемъ *мертвой* и *живой* воды и обыкновенно содѣйствуетъ воскрешенію убитаго сказочнаго героя.

Указывая своими блинами на поминальный характеръ, масляница, съ другой стороны, есть спеціальный праздникъ начала новой жизни, праздникъ новообвѣнчанныхъ, молодыхъ, торжество вновь сложившейся семьи, подобно тому какъ и у Римлянъ, послѣ родительскихъ дней, справлялся праздникъ установленія брака, Matronalia. Недѣли съ 6-го января вплоть до масляницы, какъ извѣстно, слывутъ у насъ *свадебными*. Въ XV столѣтіи январь и февраль иногда прямо назывались *свадьбами* [4]).

---

[1]) Hazlitt—Popular Antiquities of Great Britain. I, 48.

[2]) Ibid. 49.

[3]) Ibid. 47.

[4]) Новгород. лѣт. подъ 1402 г. „Явися звѣзда хвостатая на западной странѣ и въсхожаше съ прочими звѣздами отъ *свадебъ* до вербной суботы.“

На масляницѣ происходятъ доселѣ по мѣстамъ смотрины новообвѣнчанныхъ паръ. Такъ въ Ярославлѣ, по словамъ Терещенки, въ понедѣльникъ на масляницѣ на рынкѣ появляются нарядно разодѣтыя парочки. Молодые, взявшись за руку, образуютъ въ толпѣ народа тихо движущіяся живыя картины. Около молодыхъ или недалеко отъ нихъ стоятъ, любуясь ими, ихъ отцы и матери. Въ Костромской губерніи въ это время новобрачные ѣздятъ въ гости къ родственникамъ, которые дарятъ ихъ мыломъ, а тѣ отдариваются блинами [1]). Но, чествуя молодыхъ, какъ основателей новыхъ семей, наши народные масляничные обычаи съ другой стороны нерѣдко издѣваются надъ тѣми, которые не успѣли пойти подъ вѣнецъ въ періодъ свадебъ. Такой характеръ носитъ обрядъ, извѣстный въ Малороссіи и Бѣлоруссіи подъ названіемъ «колодка». Въ бѣлорусскихъ губерніяхъ въ нѣкоторыхъ селахъ колодка справляется въ теченіе цѣлой недѣли. Въ понедѣльникъ, поутру, бабы собираются въ корчму. Одна изъ нихъ кладетъ на столъ небольшое полѣно или палку, называемую колодкой. Другія бабы берутъ колодку со стола, пеленаютъ ее нѣсколькими кусками холста и кладутъ на прежнее мѣсто. Это значитъ, что «колодка» родилась. Затѣмъ покупаютъ водки и, сѣвши вокругъ колодки, поздравляютъ другъ друга съ ея рожденіемъ. Послѣ попойки расходятся, а колодка оставляется въ шинкѣ до слѣдующаго дня. Такъ справляютъ колодку до субботы. По словамъ крестьянъ, въ понедѣльникъ колодка *родится*, во вторникъ *крестится*, въ среду *покрестьбины*, въ четвергъ *умираетъ*, въ пятницу *хоронятъ*, въ субботу *плачутъ*. Въ воскресенье женщины идутъ по домамъ и привязываютъ дѣвушкамъ и паробкамъ колодку къ ногѣ, въ наказаніе за-то, что не вступили въ бракъ въ прошлый мясоѣдъ. Дѣвушки тоже навязываютъ колодку, обшитую ленточками, паробъ-

---

[1]) Терещенко – о. с., стр. 327—330.

камъ, которые должны отъ этого откупаться [1]). Этотъ странный обрядъ съ колодкой, совершаемый замужними и волоченіе колодки парнями и дѣвушками представляютъ послѣдніе отголоски сѣдой старины, свидѣтельствующіе о томъ, что и у Славянъ, какъ мы видѣли это у Римлянъ, въ періодѣ новаго года на ряду съ солнечнымъ божествомъ существовалъ культъ какой-то богини, соотвѣтствующей италійской Iuno Lucina и греческой Деметрѣ дѣтопитательницѣ (Κουροτρόφος), покровительницѣ браковъ и дѣторожденія. Вѣроятно это та богиня, которая у Славянъ извѣстна была подъ именемъ Лады. Чтобы это объясненіе сдѣлалось правдоподобнымъ, намъ слѣдуетъ поискать у другихъ народовъ аналогій для вышеприведеннаго обряда, такъ какъ подобныя аналогіи указываютъ, что обряды не случайны, а восходятъ въ глубокую старину.

Такъ, напримѣръ, бѣлорусской колодкѣ соотвѣтствуетъ обычай, существовавшій въ Германіи, привязывать въ пепельную середу (Aschermittwoch) снятую съ петель дверь на спины дѣвушекъ, достигшихъ уже тридцатилѣтняго возраста, и заставлять ихъ носить эту ношу по деревнѣ [2]). Въ старинной хроникѣ города Лейпцига сообщается, что тамъ на масляницѣ ряженые молодые люди возили плугъ и запрягали въ него встрѣчавшихся имъ дѣвушекъ, въ наказанье за то, что онѣ до сего дня не вышли замужъ [3]). Такой обычай существовалъ, по указанію Гримма, и во многихъ другихъ областяхъ Германіи [4]). Въ Англіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

---

[1]) Чубинскій, Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, т. III, стр. 7—8. Безсоновъ — Бѣлорусскія пѣсни, стр. 134.

[2]) Nork—Festkalender, p. 830.

[3]) Mos erat antiquitus Lipsiae, ut liberalibus (т.-е. въ Fastnacht) personati juvenes per vicos oppidi aratrum circumducerent, puellas obvias per lasciviam ad illius jugum accedere etiam repugnantes cogerent, hoc veluti ludicro poenam expetentes ab iis, quae innuptae ad eam usque diem mansissent. Pfeiffer—Chron. Lips. lib. 2, § 53.

[4]) Grimm—Deutsche Mythologie, I, p. 218, 219.

во вторникъ на масляной (Shrove Tuesday) происходитъ состязаніе въ игрѣ въ ножной мячъ (foot-ball) между замужними женщинами и дѣвушками, причемъ первыя всегда выигрываютъ [1]).

Такимъ образомъ въ разныхъ мѣстахъ Европы, въ извѣстный періодъ года, дѣвушки должны были платиться за свое дѣвичество, какъ бы во искупленіе своей вины передъ богиней, покровительницей и устроительницей браковъ, между тѣмъ какъ замужнія женщины, какъ римскія матроны, справляли праздникъ этой богинѣ и предавались ликованію. Въ Германіи этой богиней была Берхта или Гольда, какъ можно заключить изъ того, что въ Саксоніи въ простонародьѣ считается неприличнымъ прясть во дни масляной, такъ какъ за это можетъ на женщинъ разсердиться Frau Holle и отмстить имъ [2]). Мы видѣли, что въ римскихъ матроналіяхъ играла роль богиня Юнона Луцина, божество, повидимому, ночное, лунное. Но тотъ же типъ богини былъ извѣстенъ въ Италіи и Греціи подъ именемъ доброй или женской богини, (римская Bona Dea, греческая Θεὸς γυναικεία). Ее иногда отождествляли съ лунной Гекатой, съ Прозерпиной или съ Семелой. Характерная особенность ея культа состояла въ томъ, что въ немъ принимали участіе исключительно женщины и ни одинъ мущина не могъ быть свидѣтелемъ этихъ женскихъ таинственныхъ обрядовъ. Цицеронъ [3]) возводитъ этотъ культъ еще къ періоду царей, считаетъ его древнѣйшимъ въ Римѣ и говоритъ, что онъ сопровождался самыми невѣроятными обрядами (incredibili cerimonia). Послѣ совершенія жертвъ этой брачной богинѣ начинался пиръ, женщины упивались виномъ, плясали и празднество кончалось оргіей. Ходило повѣрье, что мущина, увидѣвшій эту оргію женщинъ, долженъ былъ ослѣпнуть. Культъ римской богини проникъ и въ Германію и водворился тамъ съ тѣмъ большей легкостью,

---

[1]) Hazlitt Popular Antiquities of Great Britain, I, p. 52.

[2]) Nork—op. c., p. 831.

[3]) De harus. resp. XVII, 37. De Legib. II, 9, 21.

что и у Германцевъ была своя Bona dea—Frau Holle. Но любопытенъ особенно тотъ фактъ, что въ Виртембергѣ въ одной деревнѣ (Ochsenbach) еще въ XVIII в. извѣстно было, конечно въ исковерканномъ видѣ, даже латинское названіе богини. Швабская хроника сообщаетъ, что ежегодно на масляницѣ женщины справляютъ праздникъ Bonnen Deen и пируютъ на общественный счетъ. Двѣ женщины идутъ въ депутаціи къ старостѣ и просятъ даровой выпивки. Получивъ на это согласіе, всѣ женщины села, подъ предсѣдательствомъ жены священника, собираются въ сельскомъ правленіи, гдѣ находятъ приготовленный для нихъ боченокъ вина. Сельскіе судьи разливаютъ вино и угощаютъ женщинъ. Въ прежнее время тутъ же происходило засѣданіе женскаго суда надъ тѣми изъ деревенскихъ матерей, которыя недостаточно заботятся о дѣтяхъ и о своей опрятности. Судъ происходилъ впослѣдствіи и надъ такими женщинами, которыя разбалтывали женскія тайны [1]).

Нечего и говорить, что этотъ женскій праздникъ живо напоминаетъ бѣлорусскій обрядъ *колодки*, при которомъ также женщины пируютъ въ общественномъ мѣстѣ (въ шинкѣ) отдѣльно отъ мущинъ и совершаютъ извѣстные обряды съ колодкой, изображающей рожденіе ребенка. Такъ какъ въ германскомъ обрядѣ самое имя еще указываетъ отголосокъ культа женской богини, то, конечно, и въ обрядахъ бѣлорусской колодки слѣдуетъ видѣть подобный же отголосокъ. Быть можетъ и въ числѣ таинственныхъ обрядовъ, сопровождавшихъ Римскій культъ Bona Dea и называемыхъ Цицерономъ *невѣроятными*, было нѣчто похожее на *колодку*. По крайней мѣрѣ одна бронзовая статуэтка, повидимому, изображающая Bona Dea, представляетъ ее держащею въ лѣвой рукѣ подобіе нашей колодки, т.-е. круглую короткую палку, обмотанную матеріей, съ тою разницей, что у римской колодки придѣлана дѣтская голова, а внизу торчатъ

---

[1]) Nork—p. 792.

ножки. Статуэтка эта, найденная въ окрестностяхъ Неаполя, сдѣлана настолько художественно (см. рис.), что эту чурбанообразную куклу никакъ нельзя принять за ребенка. Въ другой рукѣ богини *поросенокъ*, обычная жертва приносимая и Bona Dea, и Церерѣ, и Прозерпинѣ, которыя всѣ ей родственны по типу [1]).

Не совсѣмъ понятнымъ въ бѣлорусскомъ обрядѣ съ колодкой представляется то, что бабы, справляя рожденіе колодки, хоронятъ ее въ пятницу и оплакиваютъ, между тѣмъ какъ въ воскресенье привязываютъ ее же къ дѣвушкамъ. Здѣсь по всей вѣроятности мы имѣемъ позднѣйшее смѣшеніе двухъ обрядовъ, происшедшее тогда, когда первоначальный смыслъ ихъ утратился. Вспомнимъ, что періодъ масляницы совпадалъ съ древнимъ началомъ года, при чемъ справлялось рожденіе новаго бога—солнца и смерть зимы. Обрядъ рожденія и похоронъ относились нѣкогда къ двумъ разнымъ миѳическимъ личностямъ. Такъ, вѣроятно, было нѣкогда и у Славянъ. Впослѣдствіи же, когда подъ вліяніемъ христіанства древніе обряды поблекли, колодка, которой рожденіе справлялось, стала символомъ масляницы и поэтому въ концѣ ея, передъ наступленіемъ поста, должна была умирать и быть погребаема, подобно тому какъ во Франціи былъ убиваемъ передъ началомъ поста символъ масляницы boeuf gras, или кое-гдѣ на Руси сожигаемъ соломенный мужикъ.

Переходимъ къ другимъ чертамъ нашей масляницы. Подобно древне-римскимъ эквиріямъ и итальянскому катанью

---

[1]) См. Daremberg et Saglio — Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines, V fasc., p. 726.

на Corso, характерную черту русской масляницы составляетъ катанье. Во многихъ деревняхъ среднихъ губерній катанье длится въ первые дни масляницы съ утра до вечера: съ одного конца деревни въ другой разъѣзжаютъ въ саняхъ нарядныя молодухи съ дѣвушками. За ними ѣздятъ парни на особыхъ саняхъ, потомъ пожилыя женщины, мужья и старики и всѣ распѣваютъ пѣсни. Иногда поѣзды начинаются съ дальнихъ деревень [1]). Катанье начинается съ понедѣльника, но особенно усиливается съ *широкаго* четверга, со дня масляничнаго разгула [2]). Не менѣе распространено и катанье съ горъ, которое по деревнямъ въ разныхъ мѣстахъ совершается на самыхъ разнообразныхъ приспособленіяхъ: катаются на скамьяхъ, подмороженныхъ коровьимъ навозомъ и политыхъ водою: на нихъ садятся только дѣвушки, причемъ правятъ ногами и поютъ пѣсни; мальчики катаются на скамеечкахъ, садясь на нихъ верхомъ, дѣвочки на подмороженныхъ рѣшетахъ (ледянкахъ) и корытахъ; взрослые парни спускаются съ горъ на ногахъ, сцѣпившись по нѣскольку вмѣстѣ и т. п. [3]). Въ старину въ богатыхъ домахъ братья устраивали горы для сестеръ ко вторнику, который назывался *загрышами*. Матушки посылали позыватокъ звать по роднымъ и знакомымъ дочекъ и сынковъ съ наказомъ: у насъ-де горы готовы и блины испечены—просимъ жаловать. На катаньѣ братцы высматривали себѣ невѣстъ, а сестрицы — суженыхъ [4]). До конца XVIII в. въ Москвѣ строились ледяныя горы для катанья на Москвѣ-рѣкѣ и на Неглинной, отъ Воскресенскихъ воротъ до Троицкихъ, гдѣ теперь Александровскій садъ [5]). При Петрѣ I масляничныя потѣхи происходили у Красныхъ воротъ, и празднество въ понедѣльникъ

---

[1]) Терещенко—о. с. 342.
[2]) Снегиревъ—121.
[3]) Терещенко—316.
[4]) Сахаровъ—72.
[5]) Снегиревъ—122.

открывалъ самъ царь, покачавшись съ офицерами на качеляхъ. Къ кореннымъ древне-русскимъ масляничнымъ забавамъ—катанью съ горъ, качелямъ, кулачнымъ боямъ—присоединились къ XVIII в. новыя, проникшія къ намъ подъ вліяніемъ западнаго карнавала. До насъ дошло любопытное описаніе маскарада и саннаго катанія, устроеннаго въ Москвѣ Петромъ I, по случаю празднованія Нейштадтскаго мира въ 1722 г. Въ четвертый день сырной недѣли началось движеніе большаго поѣзда изъ Всесвятскаго села, гдѣ собрано было съ вечера множество морскихъ судовъ разнаго рода и разной величины и полсотни саней, запряженныхъ разными звѣрями. По сдѣланному ракетою сигналу, сухопутный флотъ, на полозьяхъ и колесахъ, потянулся длинной вереницей отъ Всесвятскаго къ Тверскимъ Тріумфальнымъ воротамъ. Шествіе открывалъ арлекинъ, ѣхавшій на большихъ саняхъ, въ которыя впряжены были гуськомъ шесть лошадей, украшенныхъ бубенчиками и побрякушками. Въ другихъ саняхъ ѣхалъ князь-папа Зотовъ, облеченный въ длинную мантію изъ краснаго бархата, подбитую горностаемъ, а въ ногахъ его возсѣдалъ Вакхъ на бочкѣ; за нимъ свита, замыкаемая шутомъ, который сидѣлъ въ санкахъ, запряженныхъ четырьмя свиньями. Потомъ началось шествіе самаго флота, которымъ предводительствовалъ Нептунъ, сидѣвшій на колесницѣ, везомой двумя сиренами. Въ процессіи находился и князь-кесарь Ромодановскій въ царской мантіи и княжеской коронѣ; онъ занималъ мѣсто въ большой лодкѣ, запряженной двумя живыми медвѣдями. Наконецъ появилась громада, 88-ми пушечный корабль, построенный совершенно по образцу корабля Фридемакера, спущеннаго на воду въ мартѣ 1721 г. въ С.-Петербургѣ: онъ имѣлъ три мачты и полное корабельное вооруженіе даже до послѣдняго блока. На этомъ кораблѣ, везенномъ 16 лошадьми, сидѣлъ самъ государь въ одеждѣ флотскаго капитана съ морскими генералами и офицерами. За кораблемъ двигалась раззолоченная гондола императрицы, которая была одѣта въ костюмъ остфризской крестьянки, а свита ея со-

стояла изъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, одѣтыхъ по арабски. За гондолой появились настоящіе члены маскарада, извѣстные подъ именемъ *неугомонной обители*: они сидѣли въ широкихъ длинныхъ саняхъ, сдѣланныхъ въ видѣ драконовой головы, и наряжены были волками, журавлями, медвѣдями, драконами, представляя въ лицахъ Эзоповы басни и т. д. Такое пестрое и чудное маскарадное шествіе чрезъ Тверскіе ворота потянулось при пушечныхъ выстрѣлахъ въ Кремль, куда прибыло только къ вечеру... Въ продолженіе четырехъ дней московскаго карнавала участвовавшія въ немъ лица перемѣняли по нѣскольку разъ свои костюмы [1]). Изъ извѣстныхъ маскарадовъ послѣдующихъ царствованій можно отмѣтить два—одинъ Петербурскій, другой Московскій, при которыхъ пострадали два русскіе литератора. Это этнографическій маскарадъ съ пресловутымъ ледянымъ домомъ и шутовскою свадьбою князя Голицына, устроенный для развлеченія императрицы Анны въ Петербургѣ въ 1740 г. Во время приготовленія этого зрѣлища былъ жестоко побитъ кадетомъ Криницынымъ и кн. Волынскимъ придворный стихотворецъ Василій Тредіаковкій. Другой маскарадъ, устроенный въ Москвѣ императрицей Екатериной II, по случаю коронаціи и извѣстный подъ названіемъ «Торжествующей Минервы», былъ причиной смерти талантливаго основателя русской сцены Ѳедора Волкова, простудившагося на его репетиціи. Но возвратимся отъ этихъ подражаній западноевропейскому карнавалу снова къ нашей простонародной маслянищѣ, которая въ своихъ стародавнихъ забавахъ сохранила для насъ несравненно болѣе интересныя черты.

Такъ, напримѣръ, въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ, въ субботу на маслянищѣ существовало (а можетъ-быть и доселѣ существуетъ) обыкновеніе строить на рѣкѣ городокъ изъ снѣга, съ башнями, двумя воротами и прорубью въ рѣкѣ. Мальчики раздѣляются на двѣ партіи: на конницу—

---

[1]) Снегиревъ, стр. 123 и слѣд.

осаждающихъ и пѣхоту—защищающихъ свою позицію. Конные, предводимые своимъ начальникомъ, устремляются на приступъ, пѣшіе отражаютъ ихъ помелами и метлами; но осаждающіе, послѣ долгой борьбы, прорываются чрезъ пѣхоту, въѣзжаютъ въ крѣпостныя ворота, и городъ взятъ. Взявшіе городъ купаютъ въ проруби своего предводителя потомъ всѣ вмѣстѣ разрушаютъ городокъ и возвращаются съ пѣснями по домамъ. [1]) Снегиревъ, описывая обрядъ взятія городка, замѣчаетъ: этой игрою, *основанною на какомъ-либо событіи*, оканчивается и масляница. Едва ли можно согласиться съ такимъ предположеніемъ: состязанія, бои въ разныхъ видахъ, совершались на масляницѣ и у другихъ народовъ. Такъ, въ Шотландіи происходило въ старину состязаніе въ игрѣ въ мячъ между холостыми и женатыми. [2]) И тамъ этотъ старинный обычай старались объяснить однимъ историческимъ случаемъ, происшедшимъ будто бы въ средніе вѣка. Подобно этому и въ Швейцаріи, въ Люцернѣ происходилъ турниръ въ цехѣ мелочныхъ торговцевъ, причемъ они одѣвались по военному, раздѣлялись на двѣ партіи и бились съ утра до вечера. Бой заключался вечеромъ пиромъ. Здѣсь также приводили этотъ обычай въ связь съ однимъ, будто бы историческимъ, лицомъ, въ воспоминаніе котораго совершается *примѣрная* битва. [3]) Очевидно, что и здѣсь было желаніе объяснить стародавній, ставшій непонятнымъ, обычай, почему-то совершавшійся именно въ *четвергъ* на масляной недѣлѣ. Воинственность разыгрывается именно въ этотъ же періодъ у мальчиковъ въ Болгаріи и Англіи. По словамъ Каравелова, только-что наступитъ масляница, мальчики начинаютъ стрѣлять изъ лука стрѣлами и стрѣляютъ съ понедѣльника до воскресенья. [4]) Въ Англіи же школяры также на масляницѣ приступомъ брали крѣ-

---

[1]) Снегиревъ—132.
[2]) Hazlitt—o. c. p. 52.
[3]) Nork—p. 797 и слѣд.
[4]) Каравеловъ—Памятники народнаго быта Болгаръ, стр. 187.

пость, нехуже нашихъ деревенскихъ мальчиковъ. Только этой крѣпостью была школа и игра называлась изгнаніемъ учителя (to bar out the master). Въ городѣ Бромфильдѣ, въ теченіе трехъ дней, двери свободной школы (Free-school) были крѣпко забаррикадированы изнутри: внутри же сидѣлъ гарнизонъ изъ мальчиковъ, защищавшихъ эту крѣпость отъ нападеній учителя. Послѣдній прибѣгалъ и къ силѣ и къ хитрости, чтобъ возстановить свой утраченный авторитетъ. Если ему это удавалось, онъ наказывалъ взбунтовавшихся болѣе трудными уроками; но обыкновенно онъ терпѣлъ пораженіе, и послѣ трехдневной осады крѣпость сдавалась на капитуляцію, которой условія были предлагаемы учителемъ и, по обсужденіи, принимаемы учениками. Условія заключались письменно, на латинскомъ языкѣ, по старинной формулѣ и писались стихами. Обыкновенно мальчики выговаривали себѣ нѣкоторыя льготы и право играть въ нѣкоторыя игры. Съ обѣихъ сторонъ давались извѣстныя гарантіи и актъ былъ торжественно подписываемъ учителемъ и учениками [1]).

Очевидно, что обычаи аналогическіе нашему *городку*, бытующіе или бытовавшіе въ старину на масляницѣ у разныхъ народовъ, указываютъ на то, что и наша игра въ городокъ не можетъ быть объясняема какимъ-нибудь историческимъ событіемъ. Основа игры древняя, символическая. Снѣжный городокъ представляетъ собою зиму, которую изгоняютъ или разрушаютъ силы весны. Предводитель этихъ силъ, олицетворяющій побѣдоносное весеннее солнце, подвергается купанію въ проруби, очевидно не въ видѣ наказанія за взятіе крѣпости, а въ видѣ награды—конечно символической и, по нашему климату, не особенно пріятной. Это купаніе, какъ колядское или купальское, — символъ обновленія силъ и въ данномъ случаѣ, въ масляничномъ обрядѣ, быть-можетъ, прообразуетъ силу весенней воды, окончательно смывающей льды и снѣга, эти оковы, наложенныя на землю су-

---

[1]) Hazlitt—o. c., p. 40 и слѣд.

ровой зимою. Ту же идею найдемъ мы и въ другихъ обрядахъ, справляемыхъ на масляницѣ на Руси и въ западной Европѣ. Мы имѣемъ въ виду такъ называемую *встрѣчу* и *проводы* масляницы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти обряды имѣютъ очень образную форму. Такъ въ Хвалынскимъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, старые и молодые обоего пола отправляются поутру рано на рынокъ, за исключеніемъ хозяевъ дома, и гуляютъ на рынкѣ до вечера. Потомъ всѣ, отправляясь домой, везутъ съ собой масляницу (деревянный истуканъ), которую сажаютъ верхомъ на передовой лошади и поютъ веселыя пѣсни. Оставшіеся въ домахъ выходятъ на улицу, встрѣчаютъ масляницу и *кланяются* ей. Привезенный истуканъ ставится посреди улицы, народъ окружаетъ его и кричитъ: пріѣхала масляница! Мущины и женщины обходятъ вокругъ и кричатъ: Масляница! Масляница! Тогда уже начинается общее угощенье: пекутъ блины, поздравляютъ другъ друга, поютъ пѣсни, пляшутъ. Такъ продолжается до вечера воскресенья, въ который совершаются похороны истукана. Наряжаютъ старика въ черное рубище и, навязавъ на веревочку осколки битой посуды, подаютъ ему въ руки; за нимъ несутъ масляницу на носилкахъ черезъ всю деревню. Толпа людей провожаетъ истукана до другого конца деревни, гдѣ его бросаютъ и оставляютъ до будущаго года [1])...

Читая объ этихъ обрядахъ, мы чувствуемъ, что подъ нами почва не христіанская, а языческая, хотя христіанство и сгладило нѣкоторыя древнія черты. Теперь истуканъ олицетворяетъ собою праздникъ масляницы — его встрѣчаютъ и хоронятъ. Въ языческое время, какъ мы уже знаемъ, встрѣчали юнаго солнечнаго бога, а хоронили зиму. Такимъ образомъ два лица въ народныхъ представленіяхъ слились въ одно, но въ самомъ обрядѣ еще сохранились слѣды *двухъ* разныхъ дѣйствующихъ лицъ; иначе мы не сумѣли бы объяс-

---

[1]) Терещенко—стр. 332 и слѣд.

нить, сопровождающаго истуканъ, обдерганнаго старика, одѣтаго въ черное рубище. Очевидно истуканъ, котораго радостно встрѣчаютъ, былъ нѣкогда народившимся солнечнымъ божичемъ, какъ бѣлорусская колодка, а черный старикъ, являющійся притомъ *только* въ похоронной процессіи, олицетвореніе погребаемой или изгоняемой зимы. Этого требуетъ логика всего обряда, но это же подтверждается, между прочимъ, и древне-римскимъ обрядомъ изгнанія Maturius Veturius, т. е. стараго Марса или стараго года изъ города. Очевидно, что нашъ обдерганный старикъ представляетъ полную аналогію съ побиваемымъ римскимъ Мамуріемъ. Да и у насъ въ Малороссіи въ прежнее время дѣти съ ожесточеніемъ нападали на носимое по деревнѣ чучело Масляницы и бросали въ него снѣжные комки [1]). Очевидно, что нѣкогда комы снѣга отправлялись не въ новорожденнаго солнечнаго божича, а вслѣдъ за изгоняемымъ старымъ годомъ, подобно тому, какъ и въ другихъ странахъ похороны или изгнаніе зимы или смерти сопровождаются метаніемъ камней или иными формами преслѣдованія погребаемаго изображенія. Такъ въ римской Кампаньи, въ Алатри, до 1846 г. справлялся обрядъ, напоминающій древне-римское изгнаніе Maturius'а. Въ день св. Сикста 28-го марта, рано поутру, участники въ праздникѣ, такъ называемые *i signori della festa,* отправлялись процессіей къ маленькой церкви Nostra Donne къ обѣднѣ. По окончаніи ея, процессія, съ корзинками, наполненными камнями, отправлялась къ воротамъ Porta Bellona и здѣсь совершалось избіеніе камнями одного рельефнаго изображенія въ стѣнѣ, носящаго изстари имя Marzo (т.-е. Марта); pendant къ нему составляло другое древнее рельефное изображеніе, слывшее Апрѣлемъ (Aprile) [2]). Подобныя же изображенія были въ стѣнѣ близъ Вѣнскихъ воротъ въ городѣ Геймбергѣ: одно изъ нихъ называли зимою или Аттилой, другое — лѣтомъ, и первое подвергалось

---

[1]) Терещенко—стр. 343.

[2]) Liebrecht—Zur Volkskunde, p. 412.

ежегодно въ Троицынъ день избіенію камнями толпою мальчиковъ [1]). Насколько древни подобныя изображенія и обычай проявлять на нихъ видимымъ образомъ чувства, съ которыми встрѣчаютъ весну или лѣто и провожаютъ зиму, видно изъ того, что, по словамъ Геродота, онъ обратилъ вниманіе, осматривая памятники Египта, на двѣ статуи, стоявшія у храма Вулкана, которыхъ сооруженіе приписывалось царю Рампсиниту. Каждая была въ 25 локтей вышиной и одна изображала зиму, другая лѣто. Статуя лѣта получала приношенія отъ мѣстныхъ жителей и была обоготворяема, а статуя зимы, по словамъ Геродота, испытывала совершенно обратное [2]). Историкъ умалчиваетъ о томъ, чему подвергалась статуя зимы, но изъ италійскихъ и иныхъ обычаевъ нетрудно догадаться, что ей приходилось такъ же плохо, какъ итальянскому Marzo, или древне-италійскому Мамурію. Такое же значеніе, какъ статуя зимы, имѣли нѣкоторые другіе животные символы зимы: такъ кое-гдѣ въ Германіи (въ Мюггельсгеймѣ) на масляницѣ носили по домамъ пригвожденную къ доскѣ куницу или хорька, какъ символъ побитой зимы, и пѣли пѣсни, собирая, какъ подачку, яйца (символъ возрожденія) [3]). Въ Чехіи по деревнямъ, какъ такой же символъ, водятъ такъ называемаго медвѣдя, т. е. обернутаго соломой мальчика съ медвѣжьей маской [4]). Медвѣдь (маска) участвуетъ и въ грузинскихъ масляничныхъ обрядахъ [5]). Не вдаваясь въ подробности относительно обрядовъ изгнанія зимы или смерти и символовъ ея у разныхъ народовъ, замѣтимъ только, что въ странахъ католическихъ, гдѣ преполовеніе поста является кратковременнымъ возвращеніемъ карнавала, обряды изгнанія зимы пріурочились именно къ этому времени. Споръ лѣта съ зимой и изгнаніе

---

[1]) Ibid. p. 413.
[2]) Геродотъ—II гл. 121.
[3]) Nork—Festkalender, p. 816, ср. стр. 809.
[4]) Reinsberg-Düringsfeld—Festkalender aus Böhmen—pp. 49—50.
[5]) Дубровинъ—о. с. стр. 151.

послѣдней, сопровождаемые пѣснями, совершаются обыкновенно въ воскресенье крестопоклонной недѣли, въ такъ называемое воскресенье розъ или Laetare. Въ славянскихъ католическихъ земляхъ, быть можетъ, даже само латинское названіе этого воскресенья (Laetare—радуйся) напомнило *лѣто* и послужило лишнимъ мотивомъ справлять возвращеніе лѣта именно въ этотъ день [1]) Эти весенніе обряды вѣроятно должны были содѣйствовать тому, что утратилось первоначальное значеніе погребенія или сожженія изображенія стараго года или зимы, которое совершалось на масляницѣ, и подъ этимъ изображеніемъ стали понимать самый *праздникъ*, который провожали передъ началомъ поста. Этимъ смѣшеніемъ понятій объясняется далѣе, что столь радостно встрѣчаемая *честная* масляница обращается у Славянъ въ старую, злую бабу, которую представляютъ въ страшномъ видѣ и называютъ далеко не лестными именами: баба Руга, Гвоздензуба, Дѣдова баба, Морена. Борьба между новымъ и старымъ годомъ, между зимою и весною, является, согласно съ христіанскимъ календаремъ, борьбою между постомъ и масляницей и оба понятія получаютъ видимый образъ. Такъ во Франціи Mardi gras и Carême оба мущины, но первый веселый великанъ, съ котломъ на головѣ, увѣшенный окороками, сосисками, ложками, бутылками, второй съ изможденнымъ лицомъ, увѣшенный рыбой и овощами. Битва кончалась пораженіемъ веселаго великана и его бросали въ воду или сжигали съ великимъ шумомъ и гамомъ [2]). Надъ несчастнымъ Mardi gras кое-гдѣ, напримѣръ въ департаментѣ Соммы (Warloy Baillon), еще доселѣ совершается эта казнь: чучело въ человѣческій ростъ приносятъ на пло-

---

[1]) См. объ этихъ обычаяхъ: Grimm—Deutsche Mythologie, II, 642, 645, 640. Nork 846, Reinsberg-Düringsfeld — о. с. стр. 87, 88 и 90; 92. 123. Потебня — О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій стр. 103 и слѣд.

[2]) Fournel—Les Rues du vieux Paris, p. 235.

щадь, привязываютъ, какъ преступника, къ столбу и сжигаютъ на кострѣ, причемъ участники церемоніи пляшутъ вокругъ и поютъ:

Mardi gras est brûlé,
Il va être enterré.
Demain il n'en sera plus parlé,
Mardi gras aura été [1]).

Эти и подобные обычаи сожженія или топленія масляницы, какъ видно изъ вышеприведенныхъ соображеній, относились нѣкогда не къ олицетворенію праздника, а имѣли совершенно иное значеніе. Здѣсь, повидимому, слѣдуетъ различать два обряда, которые могли затѣмъ слиться въ одинъ: похороны стараго года и зажженія костровъ въ честь новаго.

Мы видѣли, что въ хвалынскомъ обрядѣ истуканъ масляницы не сожигаютъ, а *бросаютъ* за деревней, т.-е. хоронятъ до будущаго года. Обрядъ же сожженія совершается по мѣстамъ нѣсколько иначе: въ сыропустное воскресенье, по словамъ Снегирева, въ большихъ вотчинахъ (въ Нерехтѣ) сбирается съѣздъ изъ нѣсколькихъ сотъ лошадей, подъ названіемъ *обоза*. При этомъ нѣкоторые ѣздятъ верхами, въ соломенныхъ колпакахъ. Вечеромъ всякій приноситъ со своего двора снопъ соломы и вся эта масса сожигается въ селеніи или чаще за селеніемъ [2]).

Обрядъ сожиганія масляницы, по словамъ г. Безсонова, извѣстенъ по среднимъ великорусскимъ губерніямъ, особенно къ сѣверо-востоку отъ Москвы, до Ярославля и Нижняго-Новгорода; за рубежемъ деревни, въ открытомъ полѣ, водружаютъ высокій шестъ, какъ мачту, а на немъ навязываютъ пукъ соломы, или, гдѣ это болѣе развито, три шеста или бревна, между которыми, на самой верхушкѣ, крѣпко привязываютъ или переплетаютъ соломенными жгутами или прутьями огромные пучки соломы; въ послѣдній день ма-

---

[1]) Mélusine Revue de Mythologie etc. p. 125.
[2]) Снегиревъ, стр. 129.

сляницы эту солому зажигаютъ и она горитъ до полночи; какъ бы огромный пламенный щитъ или ночное солнце, этотъ маякъ далеко, на десятки верстъ, освѣщаетъ окрестности [1].....

Подобно этому во Франціи въ департаментахъ, гдѣ сохранилось кельтское населеніе, обрядъ погребенія масляницы и костровъ производились отдѣльно одинъ отъ другаго. Чучело масляницы бросали въ рѣку, а въ воскресенье справляли такъ называемый dimanche des Brandons, причемъ зажигали костры и совершалась дѣтьми пляска съ факелами (brandons), которыми они сожигали гусеницъ [2]. Это, конечно, тотъ же обрядъ, что римскіе *мокколи* и древне-римское зажженіе новаго огня въ храмѣ Весты. Зажженіе костровъ сопровождало встрѣчу новаго года у многихъ народовъ древности и бытуетъ у нѣкоторыхъ до сихъ поръ. Чтобъ ограничиться двумя примѣрами, припомнимъ описаніе подобнаго праздника, справлявшагося въ Сиріи въ Гіерополисѣ и называвшагося праздникомъ костровъ или факеловъ. Лукіанъ [3] говоритъ, что рядъ срубленныхъ деревьевъ установляли во дворѣ храма Сирійской богини: на деревья вѣшали множество живыхъ козъ, овецъ, птицъ, а также одеждъ, украшеній и драгоцѣнностей. Затѣмъ вокругъ деревьевъ совершалась процессія со статуями божествъ и подъ деревья подкладывали огонь, который быстро истреблялъ всѣ приношенія. А изъ современныхъ народовъ можно указать Осетинъ, у которыхъ предъ самымъ разсвѣтомъ дня новаго года хозяинъ дома раскладываетъ на дворѣ пучки соломы по числу умершихъ членовъ рода и зажигаетъ ихъ со словами: «будьте свѣтлы наши мертвые, доля вашего огня да не потухнетъ!» При этомъ имъ руководитъ вѣрованіе, что онъ такимъ образомъ снабжаетъ мертвыхъ новымъ огнемъ на наступающій годъ [4].

---

[1]) Безсоновъ Бѣлорусскія пѣсни, I, стр. 130.
[2]) Mémoire de l'Acad. Celtique, II, p. 68 и 69.
[3]) De dea Syria § 49.
[4]) Осетинскіе этюды II, стр. 268.

Въ виду этихъ обычаевъ можно думать, что въ обрядѣ проводовъ масляницы слились два самостоятельные обряда: проводы относились нѣкогда къ старому году или къ зимѣ, костры же зажигались какъ символъ новой силы возродившагося солнца, причемъ, быть можетъ, какъ и у современныхъ Осетинъ, нашими языческими предками руководило также желаніе снабдить новымъ огнемъ своихъ умершихъ предковъ. Разъяснивъ себѣ такимъ образомъ значеніе проводовъ масляницы, мы должны уяснить себѣ, кто, въ глубокой языческой старинѣ, была та личность, которую встрѣчали и привѣтствовали въ началѣ масляницы. Уже обрядъ *колодки* намекаетъ довольно ясно, что справлялось рожденіе чуднаго ребенка, т. е. солнечнаго божича. Но еще другіе намеки на ту же личность сохранились въ нашихъ масляничныхъ поѣздахъ. Во многихъ губерніяхъ (Владимірской, Пензенской, Саратовской, Симбирской, Вятской) принадлежность этого поѣзда либо дерево, возимое на саняхъ и увѣшенное лоскутами и бубенчиками, либо столбъ, имѣющій на верху колесо, на которомъ обыкновенно садится какой нибудь деревенскій весельчакъ со штофомъ въ рукахъ. [1]) Не трудно угадать значеніе этихъ символовъ: разукрашенное дерево намекаетъ на возрождающуюся въ новомъ году растительность; а колесо, какъ въ купалскихъ обрядахъ, самый обычный символъ солнца. Вспомнимъ, что послѣ лѣтняго солнцестоянія, когда дни начинаютъ убывать, когда солнце идетъ подъ гору, у насъ существовалъ обычай скатывать съ горы въ рѣку обернутое соломой и зажженное колесо...

Намъ остается изложить еще нѣкоторые мѣстные, менѣе распространенные обычаи, сопровождающіе масляницу на сѣверѣ Россіи. По словамъ Терещенки, въ Сибири было обыкновеніе возить по улицамъ огромной величины корабль, съ парусами и снастями, поставленный на нѣсколькихъ вмѣстѣ сколоченныхъ саняхъ, запряженныхъ 20 лошадьми.

---

[1]) Снегиревъ—стр. 127 и 128; Терещенко—стр. 335 и слѣд.

Въ немъ сидѣли наряженные скоморохи, медвѣдь и госпожа масляница... [1]) Возка корабля съ парусами, снастями и проч. заимствована, по мнѣнію Терещенки, отъ маскарада, даннаго Петромъ Великимъ въ Москвѣ на масляницѣ, и введена въ Сибирь поселенцами и должностными людьми. Подобный обычай былъ и въ Архангельскѣ. Несмотря на возраженія проф. Потебни [2]), старающагося связать этотъ масляничный корабль съ кораблемъ Изиды, мы также склонны думать, что этотъ мѣстный обычай занесенъ къ намъ съ запада, какъ отголосокъ карнавала. Онъ неизвѣстенъ въ коренныхъ великорусскихъ областяхъ, а только на окраинахъ, и притомъ въ городахъ, и обставленъ такою пышностью и вычурностью, которой чужды наши коренныя масляничныя потѣхи. Конечно, сибирскому и архангельскому масляничному кораблю можно указать аналогію въ кораблѣ Изиды, о которомъ мы говорили выше, въ обычаѣ возить корабль, существовавшемъ кое-гдѣ въ Германіи въ средніе вѣка [3]), въ присутствіи корабля въ бельгійскихъ кавалькадахъ и т. п., но все это не можетъ быть приведено въ непосредственную связь съ нашимъ сѣвернымъ обычаемъ, все это представляется чуждымъ нашему народу, который, за исключеніемъ поморянъ, имѣетъ самыя смутныя представленія о корабляхъ, и въ жизни котораго, въ древности, судоходство имѣло сравнительно ничтожное значеніе. Скорѣе можно ожидать, что символомъ новаго года, наступающей весны, у насъ могли быть не корабли, указывающіе на начало навигаціи, а земледѣльческія орудія, прообразующія начало полевыхъ работъ. И дѣйствительно подобныя орудія встрѣчаются въ масляничныхъ поѣздахъ. Такъ въ Пензенской губерніи парни собираютъ

---

[1]) Терещенко—стр. 337.

[2]) Потебня—О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій, стр. 191 и слѣд.

[3]) См. Grimm.—Deutsche Mythologie—стр. 213 и слѣд. 218. Cox—Arian Mythology—II, 119. Wolf—Beiträge zur Deutschen Mythologie, I, стр. 152 153. Nork—Festkalender p. 801.

нѣсколько десятковъ боронъ, громоздятъ одну на другую, на подобіе горы, и запрягаютъ телятами и жеребятами, а гдѣ ихъ нѣтъ, то волами; на верху взгроможденныхъ боронъ сидитъ смѣльчакъ съ кочергой или помеломъ и въ этомъ видѣ проѣзжаетъ масляница все село изъ конца въ конецъ [1]). Этотъ обычай дѣйствительно напоминаетъ ношеніе плуга на масляницѣ, совершаемое доселѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи [2]), и представляется намъ кореннымъ русскимъ, хотя и удержавшимся далеко не повсемѣстно.

Въ томъ же Архангельскѣ, гдѣ возили на масляницѣ обвѣшенный флагами корабль, былъ обычай, напоминающій французскую процессію съ boeuf gras. Въ пятницу мясники возили по городу быка на большихъ саняхъ, въ которыхъ впрягались сами по нѣскольку десятковъ [3]). Во Франціи процессія съ boeuf gras, особенно въ Парижѣ, совершается конечно гораздо пышнѣе. Вотъ какъ описываетъ ее Терещенко, видѣвшій ее въ Парижѣ въ 30-хъ годахъ. Въ воскресенье мясники водятъ по улицамъ откормленнаго быка, который обвѣшивается погремушкамя, украшается разноцвѣтными лентами и кусками матерій. На немъ сидитъ мальчикъ, похожій на амура. Мясники, въ миѳологическихъ костюмахъ, ведутъ за рога быка, за ними идетъ музыка и ѣдетъ огромная колесница, которая биткомъ набита здоровыми мясниками въ разныхъ положеніяхъ: иной держитъ дубину, представляя изъ себя Геркулеса, другой изображаетъ шатающагося Вакха, третій Силена, четвертый Сатира съ козьими ногами и рогами и проч. На колесницѣ развѣваются флаги: ее тащатъ весьма медленно нѣсколько паръ лошадей. Ряды экипажей съ замаскированными сопровождаютъ это шествіе, а тысячи народа замыкаютъ его... Во вторникъ (mardi gras) водятъ быка ко двору короля, потомъ по домамъ знатныхъ особъ, министровъ, пословъ и богачей, по преимуществу къ

---

[1]) Терещенко—стр. 334.
[2]) Grimm—p. 218. Nork—p. 809.
[3]) Терещенко—стр. 339.

такимъ людямъ, которыхъ уважаютъ. Въ среду убиваютъ быка и, разрѣзавъ на извѣстное число кусковъ, разсылаютъ ихъ по тѣмъ домамъ, куда водили его. Прежде всего отсылаютъ самый лучшій кусокъ королю, который даритъ за то нѣсколько сотъ франковъ. Прочія особы также обдариваютъ мясниковъ[1]. Эта процессія съ boeuf gras, восходящая, повидимому, къ среднимъ вѣкамъ [2]), каково бы ни было ея происхожденіе, имѣетъ во Франціи извѣстный смыслъ, такъ какъ католическая масляница есть послѣдній передъ постомъ періодъ мясоѣденія. У насъ же, когда уже на масляницѣ наступаетъ мясопустъ, конечно, вожденіе и затѣмъ убіеніе быка не имѣютъ смысла. И дѣйствительно, архангельскій городской обычай не завершается, какъ во Франціи, убіеніемъ и съѣденіемъ возимаго мясниками быка. Исключительность архангельскаго обычая заставляетъ думать, что онъ не былъ кореннымъ русскимъ, а занесенъ туда изъ-за моря, вмѣстѣ съ обычаемъ возить корабль. Конечно, трудно сказать, когда и откуда онъ былъ завезенъ въ Архангельскъ: масляничная процессія мясниковъ извѣстна не только во Франціи и Италіи, но и кое-гдѣ въ Германіи (напримѣръ въ Мюнхенѣ) [3]).

Чтобъ покончить обзоръ масляничныхъ обрядовъ, намъ остается упомянуть о такъ называемомъ полосканіи рта. Въ Малороссіи существуетъ повѣрье, что если остается послѣ масляницы на зубахъ сыръ, черти станутъ выдергивать эти остатки каждую ночь понемногу, пока всего не выдернутъ вмѣстѣ съ зубами. Поэтому стараются выполаскивать ротъ какъ можно чище. Нѣкоторые, болѣе мнительные, встаютъ даже ночью, чтобъ совершить полосканье [4]). Наконецъ, какъ извѣстно, на первыхъ дняхъ послѣ масляницы народъ толпами валитъ въ бани, для того чтобы, по

---

[1]) Терещенко—стр. 340.

[2]) См. Fournel—Les Rues du vieux Paris, p. 250 и слѣд.

[3]) Nork—Festkalender, p. 805.

[4]) Терещенко—стр. 345.

народному выраженію, «выпроводить изъ бани честную масляницу». Такъ усердно старается наше простонародье выпроводить гостью, которую встрѣчало съ такою радостью за недѣлю передъ тѣмъ. Народъ твердо помнитъ свою пословицу: *не все коту масляница* и сознаетъ, что̀ пора остепениться, хотя еще голова болитъ съ похмелья. Семь дней тому назадъ онъ говорилъ: *хоть съ себя что заложить, а масляну проводить*. Теперь же находитъ, что *масляница объѣдуха, деньгамъ приберуха*, что *масляна широка*: *затопила великій постъ* и не безъ иронiи относится къ тѣмъ, что̀ *пили о масляницу, а съ похмелья ломало на радуницу*. Однако кое-гдѣ не такъ строги къ веселой, полуязыческой гостьѣ, бушевавшей и пировавшей цѣлую недѣлю: кое-гдѣ ее поминаютъ еще въ субботу на 1-й недѣлѣ поста блинами, конечно, постными, которые называются *тужилкой по масляницѣ*. Видно, что не такъ легко забывается унаслѣдованный отъ языческой старины разгульный праздникъ; видно, что онъ мерещится нерѣдко и въ строгiе дни великаго поста и что никакiя хозяйственныя соображенiя не помѣшаютъ русскому человѣку въ будущемъ году съ такимъ же увлеченiемъ встрѣтить эту *объѣдуху* и *денегъ приберуху*.

2011110097